

Северокавказцы – жертвы трагедии на Драве (на материале воспоминаний очевидцев)

Альфина Сибгатуллина*

Аннотация

В статье речь идет о трагедии, пережитой в конце мая- начале июня 1945 г. северокавказскими беженцами, находившимися на долине реки Драва/Драу около австрийского города Лиенца. Согласно Ялтинскому соглашению, они вместе с большим количеством казаков были выданы британскими властями советскому военному командованию для возвращения в СССР. Однако информация о присутствии горцев в «Лиенцевской трагедии казаков» в российской историографии почти отсутствует. Автором статьи предпринята попытка реконструкции состава, условий жизни беженцев в горских общинах и деталей драматических событий, произошедших в лагере 28 мая-1 июня 1945 г. Для этого привлечены исторические документы и воспоминания очевидцев, в том числе представителей Северного Кавказа, сумевших избежать репатриации. Во время выдачи горцы, среди которых было немало гражданских лиц и старых эмигрантов, оказывали яростное сопротивление, совершали самоубийство, бежали, но многие были расстреляны. Северокавказской колонией руководил белоэмигрант генерал-майор Султан Клыч-Гирей (1880-1947), который разделил участь офицерского состава Казачьего Стана. Представители северокавказской диаспоры в Турции ежегодно отмечают день памяти «трагедии на Драве», которой в этом году исполняется 75 лет.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Вторая мировая война, Лиенц, трагедия на Драве, кавказские беженцы, Ялтинское соглашение.

*Альфина Т. Сибгатуллина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Alfina T. Sibgatullina, doctor of philology, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow. E-mail: alfina2003@yandex.ru

(Received/Дата отправления: 15.05.2020; Accepted/Дата принятия: 25.05.2020).

North Caucasians as Victims of the Tragedy on the Drava River

Abstract

This article discusses the tragedy that stroke North Caucasian refugees in late May-early June of 1945 on the Drava / Drau river valley near the Austrian city of Lienz. In line with the Yalta Agreement between President Roosevelt, Prime Minister Churchill and Generalissimo Stalin, the refugees, along with a large number of Cossacks, were extradited by the British authorities to the Soviet military command. However, in Russian historiography, there is barely any information on the presence of the highlanders in the "Lientsev tragedy of the Cossacks". The article attempts to reconstruct the composition, living conditions of refugees in the national communities and provide details of the dramatic events that took place in the camp on May 28 - June 1, 1945. In doing so, the paper discusses some historical documents and testimonies of eyewitnesses, including representatives of the North Caucasus, who managed to avoid repatriation. During the extradition, a number of highlanders, including many civilians, resisted the authorities, committing suicides and fleeing, but many were shot. The North Caucasian colony was led by a white emigrant, Major General Sultan Klych-Girei (1880-1947), who shared the fate of the officers of the Cossack Camp. Representatives of the North Caucasian diaspora in Turkey annually meet to remember "the tragedy on the Drava", which marks 75th anniversary this year.

Keywords: North Caucasus, World War II, Lienz, the tragedy on the Drava, Caucasian refugees, Yalta agreement.

Введение.

Перелистывая периодическую печать разных лет северокавказской диаспоры в Турции, невольно обращаешь внимание на тот факт, что в майских номерах журналов «Новый Кавказ», «Объединенный Кавказ», «Мизаге» и др. неизменно присутствуют заметки об очередной годовщине «Трагедии на Драве» (Drau Faciası) (см: Aşhot; Berzeg; Devletbey; Gûsar; Gûsar1; Hilâl; Tavkul; Yelbaşı и др.). «Трагедией на Драу/Драве», «Дравской трагедией» или «Дравским геноцидом» «турецкие» северокавказцы называют историю с насильственной выдачей англичанами горцев с Кавказа советскому военному командованию для возвращения в СССР. Названия эти связаны с кровавыми событиями, произошедшими в конце мая – начале июня 1945 г. на берегах реки Дравы близ австрийского города Лиенца. В российской историографии данная дата связана с

гибелью так называемого Казачьего Стана и 15-го казачьего кавалерийского корпуса и известна как «Лиенцская или Лиенцевская трагедия» (Науменко 111). Присутствие в этой истории северокавказцев российскими исследователями особо не выпячивается или вовсе умалчивается, как, впрочем, и в турецких изданиях информация о казаках почти отсутствует.

К сожалению, крайне мало сведений о кавказцах и в сборнике материалов и документов, подобранных специально по данной теме и изданных в двух томах атаманом В.Г. Науменко. Нам удалось обнаружить воспоминания некоторых северокавказцев – непосредственных участников тех событий, так или иначе избежавших репатриации: карачаевцев Хамита Боташа (Боташ), Джаббара Айбаза, Ниязи Байчоры (Биттирова), лакцев Мусы Рамазана (Ramazan) и Сефера Аймергена (1916 г.р.), шапсуга Кадира Натхо (Natho) и др. Из них Х. Боташ и К. Натхо после войны попали в США, а остальные перебрались в Турцию. Наиболее полными и богатыми на детали и имена являются сведения, приведенные Мусой Рамазаном (1922-2004) в его книге «Воспоминания одного кавказского переселенца» и в переводе с английского на турецкий язык книги Кадира Натхо «Из Черкесии в Америку»¹. В этой связи интересна судьба и самих авторов.²

¹ Автор выражает свою признательность исследователю Джему Кумуку, любезно предоставившему отдельные материалы по теме.

² Муса Рамазан родился в 1922 г. в селении Хулуцма Лакского района Дагестанской АССР. Окончил в 1941 г. Буйнакский кооперативный техникум. С началом Великой Отечественной войны, был призван в действующую армию. В 1942 г. попал в плен. В 1949 г. переехал на постоянное местожительство в Турцию. На новом месте приобрел специальность ювелира, одновременно стал принимать участие в различных организациях и обществах, учрежденных северокавказскими эмигрантами. Был среди инициаторов и учредителей Общества культуры и взаимопомощи северокавказцев (1951) и активных членов Образовательного и культурного фонда Шамиля (1978), долгие годы руководил фольклорным ансамблем танцев народов Кавказа при фонде. Владея родным лакским, русским и турецким языками, плодотворно занимался литературно-публицистической и переводческой деятельностью. Опубликовал

“Дата 28 мая 1945 года вписала горькую страницу в судьбу северо-кавказских беженцев, которые в этот роковой день оказались в центре Европы в руках английских оккупационных войск, – пишет один из них. – Этот день остался в нашей памяти как день предательства. У каждого из нас этот день оставил свой след: и горе, и слезы, и обида...” (Боташ 114).

Поскольку 28 мая 1945 г. как трагическая дата на самом Северном Кавказе не отмечается, а в этом году этим событиям исполняется 75 лет, в данной статье, основанной преимущественно на мемуарной литературе, предпринимается попытка реконструкции состава, условий жизни горцев в своих общинах и деталей репатриации горцев. При этом автор не претендует на полноту освещения всех (доселе неисследованных в российской исторической науке) вопросов насильственной выдачи горцев, понимая необходимость привлечения более широкого круга источников, особенно архивных документов, что, возможно, позволит внести определенные коррективы в оценку рассматриваемых событий.

Северокавказская колония.

К концу Второй мировой войны на территории Германии, Австрии, а также, частично, во Франции, Италии и некоторых других государств Западной Европы скопилось огромное количество российских и советских граждан, среди которых были военнопленные, белоэмигранты, беженцы, покинувшие вместе с семьями родные места из-за сталинских репрессий. Казачий стан

многочисленные репортажи, статьи и переводы в различных изданиях и печатных органах северокавказских обществ. См.: (Муртазалиев).

Кадир Натхо родился в 1927 г. в ауле Хатрамтук под Анапой. К концу Второй мировой войны в статусе беженца он оказался в Австрии, Италии, Турции, Иордании и Сирии, в 1956 г. уехал в США. Возглавлял Общество черкесской культуры в г. Паттерсоне (штат Нью-Джерси). С 1960-х гг. стал заниматься литературным творчеством, писал на русском и английском языках. В Нью-Йорке вышли книги: «Старые и новые рассказы Кавказа» (1969), «Никола и Надюша» (роман, 1976). Данный роман был переведен на адыгский и русский языки: «Отчужденные» (Майкоп, 1993).

образовали казаки, отступавшие вместе с оккупантами с традиционно казачьих регионов СССР – Дона, Кубани и Терека, «большую его часть, в отличие от 15-го кавалерийского казачьего корпуса, составляли гражданские лица, не участвовавшие в боевых действиях» (Табolina 28). Сдаваясь европейским странам, многие из них надеялись, что Запад, США и Великобритания примут их как политических беженцев, и не думали возвращаться на родину. В мае 1945 г. около 35 тысяч человек, основной костяк которых составляли Казачий Стан, 15-й казачий кавалерийский корпус и некоторые другие небольшие отряды казаков, располагались в долине реки Дравы, между городами Лиенц и Обердраубург на австрийско-итальянской границе. Эта территория была зоной английской оккупации. Основная масса казаков была размещена в лагере Пеггек, находившемся восточнее Лиенца. Казачьи станицы и полки стояли биваками по обеим сторонам Дравы. Общая протяженность казачьих частей составляла около 19 км. (Арзамаскин255).

От города Обердрауберга до Деллаха разбили свой лагерь кавказцы: «кто-то из них бежал от советского режима, кто-то попал в плен и вышел из лагеря, кто-то был вынужден работать на немцев, и небольшая часть, эмигрировавшая из России еще в годы революции» (Боташ 47). Как сообщает М. Рамазан, между казачьими поселениями и беженским лагерем северокавказцев находилась буферная зона, и без разрешения английских властей контакты между собой не разрешались (Ramazan 76). Так долина реки Дравы была заселена огромной беженской массой, многие общались лишь в своих общинах и имели мало представления о жизни других колоний. Этим можно частично объяснить отсутствие сведений друг о друге в воспоминаниях казаков и горцев.

В сборнике, составленном В.Г. Науменко, указываются всего три группы горцев, которые расположились в лагере отдельными общинами: «крайними на восток были кабардинцы, далее осетины и еще дальше, к западу, карачаевцы» (Науменко 171). Очевидец тех событий, выходец из села Карт-Джурт, 11 января 1943 г. вместе с семьей покинувший Карачай, Хамит Боташ(ев) же

пишет о наличии там всех «сыновей Большой Медведицы»: «Их семь и у Большой Медведицы тоже семь звезд», имея в виду количество национальностей Северного Кавказа, находившихся в колонии: карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши и дагестанцы (Боташ 60). Далее он конкретизирует расположение горцев в лагере: «В Северо-Кавказскую колонию входили в основном пять общин: адыгеская, балкарская, карачаевская, кабардинская и осетинская. Поскольку чеченцев, ингушей и дагестанцев было сравнительно мало, они самостоятельных общин не имели и вливались в состав тех общин, где они имели более или менее близких знакомых и друзей» (Боташ 95-96). Такие же сведения приводит и Кадир Натхо, к тому же он упоминает о наличии представителей других национальностей Кавказа: лезгин, абхазов, армян и грузин (Natho 183). Языком межнационального общения был русский.

В связи с тем, что английские власти не проводили переписи в лагерях, и текучесть не контролировалась, назвать конкретное количество горцев затруднительно: российские исследователи указывают цифру 4,8 тысячи, а в турецких публикациях число варьируется от 5 до 8 тысяч.

Хамит Боташ придерживается мнения 7 тысяч, указывая, что численность северокавказской колонии, которая в период организации в 1943 г. на Украине составляла около 2 тысяч человек, за два года она пополнялась за счет сбежавших и освобожденных союзными войсками из нацистского плена кавказцев, и к концу войны колонна состояла из более 7 тысяч человек. Николай Краснов-младший, внук генерала П.Н. Краснова, также упоминает, что из горцев лишь 600 человек являлись военными, остальные были гражданскими беженцами (Краснов 23). Были здесь даже малыши, рожденные в обозе, и беременные женщины, вышедшие замуж за время пути, больные и раненые, прикованные к постели на телегах. За два года у колонны сложились особый быт, определенные устои и правила выживания» (Биттирова 82). Х. Боташ также подтверждает постоянное изменение состава колонии: «В те дни, когда мы появились в долине реки Драу, к нам стали стекаться люди, освобожденные из плена, угнанные на работу в Германию,

те, кто отбил от своих частей, и те, кто служил в легионах. Большинство из них состояло из чечено-ингушских, дагестанских одиночек, из которых была и создана отдельная группа» (Боташ 96).

Первое время северкавказцы находились, как вспоминает Боташ, в хорошем расположении духа. Долина реки Драу во многом напоминала долину Кубани: «ущелье такое же глубокое, как Кубанское, такое же темное, малодоступное солнечному и лунному свету, так же отдыхает здесь душа человеческая, как и там» (Боташ 38).

Руководителем северокавказской колонии был генерал-майор Султан Клыч-Гирей (1880-1947) – участник Первой мировой войны, командир сотни Черкесского полка «Дикой дивизии», бывший член Комитета горских народов Северного Кавказа в Стамбуле. Когда именно он получил командование Кавказской дивизией, сведения расходятся. Автор книги «Жертвы Ялты» Н.Д. Толстой указывает, что Султан Клыч-Гирей «со своей разношерстной армией сдался англичанам одновременно с Казачьим станом во главе с генералом П.Н. Красновым» (Толстой 191), поскольку, по его мнению, незадолго до капитуляции немецкие командиры просто «исчезли, оставив командовать дивизией эмигранта Султан Гирей-Клыча» (Толстой 185). Муса Рамазан в своей книге приводит статью Аслан-бека, опубликованную в парижском журнале «Часовой», где указывается, что 9 мая 1945 г. автор видел приказ о назначении англичанами генерала Султана Клыч-Гирей командиром Кавказского соединения (Ramazan 85)³. Хамит Боташ же рассказывает о выборе, сделанным самими кавказцами: «Было указание, чтобы каждая община выбрала себе руководителя. В этот же день должны были определить руководителя всей Северо-Кавказской колонии... Все остановились на кандидатуре

³ Здесь необходимо уточнить, что М.Рамазан, будучи уже в солидном возрасте в период написания своих воспоминаний, позволил себе некоторую «вольность» в переводе с русского на турецкий язык статьи Аслан-бека. В статье дата 9 мая 1945 г. не относится к предложению «Англичане назначили ген.Султан Килич-Гирей начальником всех кавказцев» (см. Аслан-бек 12).

генерала Солтана Клыч Герия. В пользу избрания его на этот пост говорило следующее: он отличался в годы Первой мировой войны, был награжден английским орденом, в годы Второй мировой войны преследовался немцами как агент английской разведки, и самое главное, он был хорошо знаком с командующим 8-ой армии англичан фельдмаршалом Александером. Мы, карачаевцы, выступили за его назначение... Были такие, которые предлагали кандидатуру Улагая, считая, что он среди старой эмигрантской гвардии наиболее яркая личность, занимал более ответственные посты, чем другие, и знакомства у него хватает и т.д. ... Несмотря на разнобои, руководителем северо-кавказской колонии был избран генерал Солтан Клыч Герий» (Боташ39-40).

Черкесский князь Султан Клыч пользовался среди кавказцев большим уважением и почетом, между собой горцы называли его *Хануко* или *Ханко*, что означало «сын хана» (см. о нем: Беджанов). После сдачи 8-ой британской армии, генерал собрал свою армию и произнес речь. «Пусть те, кто в состоянии уйти — особенно молодежь, — немедленно уйдут и забудут о нашей мечте освободить Кавказ и кавказские народы». Многие не преминули воспользоваться этим предложением и бежали, что, кстати, иллюстрирует одно важное обстоятельство: хотя казаки и кавказцы формально считались пленными, англичане не могли предотвратить массовые побеги. Лагеря не были огорожены проволокой и охранялись в основном самими пленными (Толстой 191).

О 65-летнем генерале Султане Клыч-Гирее Хамит Боташ пишет отнюдь не как о старике: «Генерал был одет в коричневую черкеску, ладно сидевшую на его стройной фигуре. Его широкие плечи и тонкая талия свидетельствовали о том, что он был еще довольно молод и имел настоящую воинскую выправку. На голове его красовалась коричневая каракулевая шапка, на груди — белые газыри. Подпоясан он был позолоченным поясом, на котором висел великолепный кинжал в серебряных ножнах. На боку — маузер с серебряной рукоятью. Ноги генерала были обуты в сверкающие блеском сафьяновые мягкие ноговицы и добротные кумыцкие чувяки. Чувствовалось, что идет настоящий

кавказский генерал. Короче, вся его одежда состояла из давно и хорошо известных нам атрибутов. Видеть генерала в нашей родной кавказской форме было для нас большой радостью» (Боташ 72).

Из остальных горских офицеров известны имена черкесского полковника Кучука Улагая (Науменко 169,172), унтер-офицера осетина Г. Тугаева (Толстой 238), карачаево-балкарского офицера Добая Тотуркула (Tuzman), лидера шапсугской группы Шабана Шомиза (Natho 185), дагестанца из села Чох полковника Бахаттина Хурша (Ramazan 83), полковника Шамхалова (Ramazan 86), полковника Шашыма Лува, полковника Хамзата Крыма (Ramazan 86), доктора Кочкара, майора Шакмана Паго (Ramazan 77), черкесского уздена Хамида Бжассо (Natho 185) и др.

Первое время положение в беженских лагерях было неплохим: и казаки, и кавказцы были поставлены на довольствие: «По качеству продуктов чувствовалось, что англичане питаются значительно лучше, чем немцы, – пишет один из свидетелей. – Нам давали кроме основных продуктов и шоколад, и кофе, и ароматизированные сигареты» (Боташ 65). Беженцы содержались в достаточно свободных условиях с ограничениями передвижения лишь во время комендантского часа. Отношение со стороны английских солдат было «подчеркнуто корректным и даже уважительным, офицерам разрешили сохранить оружие, а для несения караульной службы казакам были оставлены винтовки – по одной на 10 человек. Среди казаков ходили самые разнообразные слухи относительно своей дальнейшей судьбы. Высказывались даже предположения, что из них будет сформировано некоторое подобие Иностранного легиона, и они отправятся на Ближний Восток, в Африку или на острова Тихого океана для борьбы с японцами. 15 мая в места размещения казаков прибыли представители Красного Креста, распределявшие продовольствие и вещи. Англичане всячески поддерживали все начинания казаков по устройству школ и церкви. 20 мая казакам даже пообещали предоставить помещение, где они могли бы наладить выпуск собственной еженедельной газеты, а незадолго до этого был создан казачий хор» (Крикунов592). Известно также о наличии в

северокавказской колонии фольклорной группы, в составе которой были Муса Рамазан, Мехмет Аталык, Ибрахим Таймаз, Эльбрус, Арисхан, Барасби Тогоев и другие молодые люди. Они для организации совместных репетиций, по разрешению англичан, ходили в Казачий Стан и встречались с руководителем казачьего хора Георгием Сапентьевым (Ramazan78).

С появлением английских продуктов в лагере открылся «черный рынок»: «Тут продавали сигареты, продукты, одежду, даже виски... Главными поставщиками рынка были малознакомые люди, прибывшие сюда со стороны. Продавали в основном за американские доллары, английские фунты, австралийские шиллинги, немецкие марки, итальянские лиры, швейцарские франки; золотые деньги и серебряные изделия ценились особо» (Боташ 65-66). У каждой повозки дымился огонь, народ по вечерам ходил друг к другу в гости, играл в карты, пел национальные песни, готовил традиционные блюда, заказывал местным швеям одежду, молодые влюблялись и женились... Было в лагере немало беременных женщин и грудных детей (Боташ 66).

Репатриация.

Однако доброе отношение англичан к беженцам было обманчивым, ибо судьба российских эмигрантов и казаков была решена еще в феврале 1945 года на Ялтинской конференции, когда были приняты секретные документы о выдаче советскому правительству всех воинских соединений и гражданских лиц, принимавших участие в войне на стороне Германии. Соглашение «О репатриации советских граждан», подписанное 11 февраля, лишило возможности политического убежища всех без исключения подданных.

Все началось с разоружения беженцев, даже самого Султана Клыч-Гирея, что сразу же встревожило кавказцев. В лагерях появились люди, знающие русский язык и записывающие желающих по своей воле вернуться на родину. Не доверяя англичанам, некоторые кавказцы стали тайно уходить из лагеря и прятались в горах. Тревожная атмосфера царила и в Казачьем Стане. «Понимая, что казаки так просто не сдадутся и что могут

возникнуть осложнения, – пишет П. Крикунов, – англичане тщательно разработали план операции по переброске казаков в зону советской оккупации. 16 мая они потребовали сдать все оставшееся у казаков оружие. Естественно, этот приказ вызвал среди пленников недовольство. Однако казаков успокоило сообщение о том, что взамен их разношерстной амуниции и вооружения им выдадут английское оружие. Получив такие заверения, казаки еще больше уверовали в то, что их никто выдавать не собирается, и без проволочек полностью разоружились» (Крикунов 593).

В 20-25 числах мая по лагерям беженцев стал ездить специальный автомобиль, с которого по громкоговорителю передавались русские песни и призыв вернуться на родину. Вот как об этом вспоминает Кадир Натхо: «В последние дни советская пропаганда стала заметно сильнее и дерзче. Однажды мы стояли с Хамидом и беседовали, как по главной дороге показалась бронированная машина; она остановилась около лагеря и стала громко передавать песню «Яблочко»!

Эх, яблочко, Да куда котишься?

Ко мне в рот попадешь, Да не воротишься!..

...Было страшно. Все мы знали, что это было не просто песней, а настоящей угрозой» (Natho187).

Казачьи офицеры были уверены, что западные правительства не будут отправлять в СССР тех, кто не желает ехать туда. Генерал Султан Клыч-Гирей, обойдя все группы кавказских беженцев, также пытался успокоить их, «уверяя, что западная демократия никогда и ни за что не позволит насильственную выдачу, оглашенный призыв с британской стороны “вернуться на родину” адресован только желающим ехать домой» (Боташ 58).

Генерал В.Г. Науменко позднее назвал политику британских властей «великим предательством»: они поступили очень хитро, отделив от основной массы сначала всех генералов и офицеров. Это случилось 28 мая. Казачьему офицерскому составу было объявлено, что состоится конференция, темой которой якобы была «Общая военно-политическая обстановка и военнопленные казаки», а северокавказцам представитель английского штаба сказал буквально следующее: «Все руководители Северо-

Кавказской колонии, старшего и среднего чина, должны быть готовы к встрече с фельдмаршалом Александером. Речь там будет идти о дальнейшем устройстве вашей жизни» (Боташ 106).

Должны были поехать всего 35 генералов, 167 полковников, 283 войсковых старшины, 375 есаулов, 460 подъесаулов, 526 сотников, 756 хорунжих, 124 военных чиновника, 15 медиков, 2 военных священника, 2 капельмейстера, 5 офицеров связи РОА, 2 переводчика и 2 фотографа. Однако явились и были погружены в транспорт 2461 человек вместо 2756 (Арзамаскин 255). Среди отправленных в Шпиталь было примерно 150 лидеров кавказских групп во главе с генералом Клыч-Гиреем. Некоторые горцы, поверив, что их действительно представят британскому командованию, переоделись в свои национальные одежды. Сам генерал был в форме офицера царской армии. В Шпитале офицеры были размещены в огороженном колючей проволокой лагере, а на рассвете 29 мая их передали советским представителям. Сосылкой на известный журнал русского зарубежного воинства «Часовой» Ю. Арзамаскин сообщает следующие цифры: «Из этих офицеров «по дороге к Вене советским конвоем было расстреляно 120 человек, 1030 человек исчезли при повторных допросах на пути от Граца к Вене, в самой Вене исчезли еще 983 человека» (Арзамаскин 256).

Обезглавив таким образом казаков и кавказцев, англичане «приступили к жестокой расправе над остальным 32-х тысячным населением беженских лагерей. 30 мая долина Дравы являла собой мрачное зрелище. На палатках и бараках и вдоль шоссе Лиенц-Обердраубург были вывешены черные флаги. Казаки объявили голодовку. Еда, которую привозили в лагерь англичане, стояла нетронутой. Священники совершали богослужение. Мужчины возбужденно обсуждали, что делать. Рыдающие матери судорожно прижимали к груди детей» (Толстой 237). В петициях, отправленных королю Георгу VI, архиепископу Кентерберийскому, Уинстону Черчиллю и полковнику Малкольму, они писали: «Мы предпочитаем смерть возвращению в советскую Россию, где нас ждет долгое систематическое уничтожение» (Толстой 238).

Об уготованной им участи кавказцы узнали в 5 часов дня 28 мая от командующего 5-м Баффским полком полковника Олдинга-Сми, который сообщил им, что офицеры уже переданы Советам и теперь настал черед солдат. «Олдинг-Сми понимал, что вряд ли эта новость вызовет всеобщее ликование, но он никак не мог представить себе таких бурных рыданий и отчаянного протеста» (Толстой 238). По сведениям К. Натхо, помимо черных флагов и голодовки, кавказцы, готовые умереть на месте, вскопали собственные могилы. В лагере участились случаи самоубийства, прибегали к разным методам: кто-то резал себе горло, кто-то вскрывал вены, многие предпочитали яд, стрелялись, семьями кидались в Драву (Tuzman 121).

Несмотря на расставленную англичанами охрану и вооруженные ручными пулеметами патрули, около двухсот человек бежало той ночью в окрестные леса. «Многие, в том числе старики и дети, ушли под началом одного отчаянного карачаевца. Среди них был осетин, унтер-офицер Тугаев, слышавший, как в лесу англичане стреляли в безоружных беглецов. Но ему с другом удалось уйти в горы, перейти границу Италии и спастись» (Толстой 238). Кто знает, возможно, в отряде этого «отчаянного карачаевца» был и Хамит Боташ, который утверждал: «Мы, карачаевцы, составляли 50% от общего числа беглецов» (Боташ 150).

В.Г. Науменко удалось найти избежавших участи репатриации из лагеря горцев двух «молодых карачаевцев с Терека, принадлежавших к новой эмиграции»: «Один из них всего месяц служил в Красной армии и сдался немцам. Другой совсем не служил, а ушел с Кавказа при отступлении оттуда немцев. Потом оба попали в Италию, а оттуда, в мае месяце ушли в Австрию, на р. Драву, где они разделили с казаками их горькую участь» (Науменко 171). Вот что они поведали о первом дне выдачи кавказцев:

«Началось с кабардинцев. Прибыли автомобили и танки, окружили лагерь и начали вбрасывать людей насильно в грузовики. Здесь происходило тоже, что и у Лиенца: женщины бросались под колеса машин, причем некоторые из них раздевались до нага. Их так и вбрасывали в машины.

В тот же день тоже самое происходило и в колоннах осетинской и карачаевской. Удалось уйти больше всего карачаевцам, надо полагать, потому, что они были дальше и не их первые окружили. По подсчету этих молодых людей, в тот день было вывезено всего 60 офицеров и до 600 остальных беженцев» (Науменко 173).

Днем 30 мая первые представители кабардинцев были отобраны для посадки в поезд на станции Деллах. Но когда в 2 часа за ними прибыла рота 5-го Баффского полка, выяснилось, что пленные вовсе не готовы к отправке, а многие оказывают пассивное сопротивление. Майор Мак-Грат, командир роты, сообщал позже о своих трудностях: «Около тропки, ведущей к шоссе, расположились, образовав круг, мужчины, женщины и дети — всего человек 200. У них явно не было никакого намерения никуда ехать. Они выкинули черный флаг, распевали религиозные песни и плакали. Я приказал подогнуть к этому месту четыре трехтонки, и солдаты — их было около 20 — попытались заставить пленных сесть в машины. Плач усилился, некоторые показывали жеста́ми, чтобы их лучше застрелили, чем заставля́ть возвраща́ться в СССР. Наконец, с величайшим трудом удалось загнать нескольких человек в грузовики, но они спрыгнули на землю. Некоторые из них явно были организаторами этой сидячей забастовки, и я приказал четверем солдатам силой забросить одного из зачинщиков в грузовик, но он отреагировал на это так бурно, что мне пришлось ударить его по голове черенком шанцевой лопаты (ими были вооружены некоторые мои солдаты). Вид крови, казалось, несколько отрезвил толпу. Пленные принялись укладывать свои вещи в повозки. Через полчаса мы, наконец, выгнали их с повозками на дорогу и тронулись в путь» (Толстой 238-239). Многие «предпочитая смерть возвращению в “советский рай”, в тот и последующие дни стрелялись, вешались, бросались в реку со скал, под танки». Только 1 июня количество задавленных, убитых, утонувших, покончивших с собой казаков и горцев составило 700 человек (Арзамаскин 257).

31 мая - 1 июня в Юденбург были отправлены три поезда с кавказцами – всего 3161 человек, мужчин, женщин и детей.

Мужчин запихнули в вагоны, по тридцать шесть в каждый. Женщин и детей с вещами погрузили в багажное отделение. Дальнейшая их судьба неизвестна» (Толстой 239).

За дни вывоза через Шпиталь проходило по три поезда, в каждом из них в среднем было по сорок вагонов. Двери вагонов не были запертыми на замки, а лишь дверные скобы были закручены проволокой, поэтому были случаи, когда пленники выбрасывались на полном ходу поезда.

Выданных ожидали «фильтры Смерша». Историки приводят следующие цифры: «6 тысяч казаков были осуждены трибуналами и приговорены к расстрелу или длительным срокам заключения; 16 тысяч были без суда и следствия вывезены в бухту Находка, а оттуда как “спецконтингент” переправлены в Магадан, на различные прииски. В тяжелейших условиях Индигирки, Оймакона и других подобных мест до смерти Сталина смогли дотянуть немногие» (Табolina 30).

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции, по мнению атамана Науменко, перестарались и выдали русскому командованию даже тех, кто не подлежал выдаче по условиям Ялтинского соглашения. Одним из таких был и Султан Клыч-Гирей. Как вспоминают очевидцы, в Шпитале английский майор обратился к генералу и сказал, что назначает его старшим над горцами и ответственным за их поведение. На это Султан гордо ответил, что когда он был на свободе, то был горским диктатором, теперь же он такой же пленник, как и все они. Его оставили в покое» (Науменко 169). Также сообщается, что Султан Гирею было предложено британское покровительство, но он отказался, сказав, что с этими белыми генералами он прошел гражданскую войну и примет с ними смерть.

Другой участник гражданской войны, полковник Кучук Улагай, репатриации не подвергся (его спасла супруга Людмила Петровна, вовремя предъявив английским военным албанский паспорт своего мужа) (Мартынов 81).

На следующий день английские солдаты начали преследовать успевших сбежать, перейти в район Зальцбурга и скрываться в горах. Сначала группы казаков и кавказцев были довольно многочисленны и не тратили сил на то, чтобы избегать

патрулей. С течением времени, однако, их группы поредели и почти не превышали 12 человек. Днем они находились на снежных вершинах, выставив часового, который в случае необходимости давал криком сигнал тревоги. По ночам они часто занимали летние фермы или разбивали бивак в лесу, в низине. Казаки и кавказцы явно предпочитали смерть выдате, но, попав в руки солдат, не предпринимали попыток бежать (Толстой 253).

В период 7-30 июня в горах были пойманы 1356 казаков и кавказцев, 934 были доставлены 15 июня на грузовиках в Юденбург, но советские власти потребовали, чтобы их отвезли в Грац, куда они и прибыли на следующее утро. У некоторых солдат, охранявших эту группу, сложилось впечатление, что все эти пленные или часть их были расстреляны вскоре после прибытия (Толстой 253).

16 января 1947 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялся закрытый судебный процесс по делу шести генералов: эмигрантов П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова и Султан Клыч-Гирея, бывшего советского гражданина Т.И. Доманова и германского подданного Г. фон Паннвица. Подсудимые обвинялись в том, что «по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность против СССР». Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение сразу по окончании процесса на сооруженной во дворе Дома Союзов виселице (Краснов 24; Крикунов 596-597).

И как эхо, трагедия на Драве отозвалась зловещими кровавыми событиями Кемптен, Фарели, Гессен, Мангейм, Дахау, Платтлинг, Зальцбург, Даггендорф, Будвас, Гоф и целый ряд неизвестных печати случаев насильственных отправок на «родину». «Начались бесконечные терзания измученных душ и лицемерные воззвания “Родина ждет”», – пишет один из очевидцев тех дней (Науменко т. 1: 148).

Память о погибших.

На месте, где стоял мост через Драву, с которого казаки бросались в реку со своими женами и детьми, поставлен крест. 1 июня 2005 г. на мемориальном кладбище в Лиенце открыта памятная доска на русском языке. На вилле «Золотая звезда», где жил генерал П.Н. Краснов, также имеется памятная доска. Это драматическое событие запечатлел на своей знаменитой картине «Выдача казаков в Лиенце. Австрия – июнь 1945» донской казак, талантливый художник С. Г. Корольков.

В деревне Иршен австрийской провинции Обердраубург находится памятник, установленный в мае 1960 года Европейским исламским обществом в память о погибших мусульманских беженцах. На этом скромном памятнике на немецком языке написано: «Здесь, 28 мая 1945 года, 7000 северокавказцев со своими женами и детьми были выданы советским властям и стали жертвами идеала освобождения Кавказа».

Таким образом, северокавказцы, как и казаки, оказавшиеся в конце мая-начале июня 1945 г. на берегу Дравы, стали жертвами британской дипломатии. Среди горцев было немало гражданских лиц, а также эмигранты, покинувшие родину после русской революции и гражданской войны, которые к периоду Второй мировой войны являлись подданными других стран, часть из них имела «нансеновские» нейтральные паспорта беженцев, т.е. попадали под положение Женевской конференции о военнопленных. Тем не менее многие горцы были без суда и следствия расстреляны за измену советской родине, а оставшиеся в живых попали в сталинские лагеря, где, как правило, также погибали.

Использованная литература

- Арзамаскин Ю.Н. *Тайны советской репатриации*. М.: Вече, 2015.
- Аслан-бек. Выдача горцев Кавказа (свидетельство) *Часовой* 613 (4) июль-август (1978) : 11-13.
- Aşhot, Cemal. Drau (Lienz) FaciasıMünasebetiyle. *Yeni Kafkas* 15 (1959) :23.
- Беджанов М. *Генерал Султан-Гирей Клыч*. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002.

- Berzeg, Sefer E. General Sultan Kılıç Girey. *Birleşik Kafkasya* 2 (1964) :2-5.
Боташ, Хамит. *Проклятая поляна* (Роман-хроника) / Пер. с карач. яз. Э. Каитовой-Кубновой. Москва: Акцент, 1993.
- Биттирова Т.Ш. Трагедия в австрийских Альпах и творчество Хамида Боташа. *Международный научно-исследовательский журнал*. 9, часть 2. (2019) : 80-83.
- Devletbey M. Şimali Kafkasyalıların Drav Faciası. *Yeni Kafkas* 3 (1957): 5.
Güsar, Vasfi. Drau Faciası. *Yeni Kafkas* 9 (1958): 4-6.
_____. Dünya Tarihinde Kanlı Bir Facia Drau. *Kafkasya* 7 (1965): 29 -33.
- Краснов Н.Н. (мл.). *Незабываемое. 1945-1956*. Сан-Франциско: "Русская жизнь", 1959.
- Крикунов П. *Казакки. Между Гитлером и Сталиным*. Москва: Яюза, ЭКСМО, 2005.
- Науменко В.Г. *Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947): сб. материалов и документов: в 2 т.* Нью-Йорк: Всеславянское издательство. Т. 1, 1962. Т. 2, 1970.
- Мартынов А.В. *По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация*. Москва: Вече, 2014.
- Муртазалиев А.М. Вклад дагестанской диаспоры в распространение русской словесной культуры в Турции. *Вестник Дагестанского научного центра* 43 (2011): 124–127.
- Natho, Kadir. *Çerkesya'dan Amerika'ya*. Çev. Nur Nirven, İstanbul, Chivi-yazıları Yay., 2014.
- Полян П.М. *Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине* Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2002.
- Ramazan, Musa. *Bir Kafkas Göçmeninin Anıları*, İstanbul, Şamil Eğitim ve Kültür Vakfı yay. 1997.
- Hilâl*. Şimali Kafkasyalıların «Drau»Faciası ve Avusturya'da Dikilen Bir Abide. 17 (1967): 44.
- Таболова Т., Антоненко С. Лиенц: Казачья Голгофа. *Родина* 9 (2005): 26-30.
- Tavkul, Ufuk. İkinci Dünya Savaşı'nda Kafkasya. *İkinci Dünya Savaşı ve Türk Dünyası*, Yay. Haz. Nesrin Sariahmetoğlu, İlyas Kemaloğlu. İstanbul, Türk Dünyası Belediyeler Birliği Yayınları, (2016): 77-93.
- Толстой Н.Д. *Жертвы Ялты*, пер. с англ. Москва: "Русский путь". 1996.
- Tuzman, Ufuk. Drau Katliamı'nın 62.Yıldönümü (28 Mayıs 1945). *Yesevi Dergisi* 5 (2006): 120-124.
- Yelbaşı, J. 28 Mayıs 1945 Drau Faciası. *Mızağ Dergi*. Eskişehir. 2 (2018): 15.